

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

«СКИТАЛЬЦЫ В ВОСТОЧНЫХ КРАЯХ»: А.С. ГРИБОЕДОВ И Н.Н. ТОЛСТОЙ

Е.В. БЕЛОУСОВА

Музей-усадьба Л.Н. Толстого «Ясная Поляна»

В статье автор касается нравственных проблем участия человека в братоубийственных войнах и духовных последствий этого явления. Показана антивоенная позиция русских писателей и поэтов, отражавших на страницах своих произведений события Кавказской войны 1817-1859 гг. Автор рассматривает творчество двух писателей, произведения которых о Кавказе той эпохи почти неизвестны читателям, – А.С. Грибоедова и Н.Н. Толстого.

Ключевые слова: «Охота на Кавказе», душа человека, поэт-дипломат, горная свобода, орлы, маленькая земля, виноградник, тайна.

Во времена всех войн, совершавшихся на планете, перед человеком неизбежно вставал вопрос: «Под влиянием какого чувства один человек убивает другого?». Ни одного оправдательного ответа на этот вопрос нет.

В течение шестидесяти лет своей творческой жизни, от рассказов «Набег» и «Рубка леса» до повести «Хаджи-Мурат» Л.Н. Толстой пытался понять, что толкает человека на убийство. Между этими крайними вехами – «Севастопольские рассказы», «Война и мир», антивоенные статьи, воззвания, вся поздняя публицистика.

Период затяжной Кавказской войны 1817-1859 гг. оставил в русской литературе значительный след: поэты и писатели, попадавшие на Северный Кавказ в те годы, создавали произведения, взывавшие к совести как воюющих сторон, так и всех равнодушных людей мира. Не все решались сказать о ней всю правду, без романтических прикрас. Рядом с ёмким кавказским циклом А.И. Бестужева-Марлинского, А.С. Пушкина, А.И. Потеяева, М.Ю. Лермонтова, Л.Н. Толстого гораздо скромнее выглядит творчество двух писателей, кавказские страницы которых почти неизвестны читателям – это А.С. Грибоедов и Николай Толстой, старший брат Л.Н. Толстого. Они не были ровесниками, не принадлежали к общему литературному направлению, но есть одна черта, общая их творчеству: они не изображали батальных сцен штурмов, набегов, открытых столкновений горцев с русской армией. Своё отношение к войне они выражали иными средст-

вами: Грибоедов – в письмах к друзьям, в «Путевых записках» и в двух небольших стихотворных набросках «Хищники на Чегеме» и «Кальянчи»; Н.Н. Толстой – в двух очерках «Охота на Кавказе» и «Пластун» и в небольшом количестве сохранившихся писем. В их произведениях война показана как пронзительный диссонанс, нарушающий естественное течение жизни человека и природы. Они писали о войне с глубочайшим сочувствием тем горским народам, которые они пришли «усмирять» – этот термин был придуман генералом А.П. Ермоловым.

Служба на Кавказе Грибоедова в 1818-1828 гг. и Н.Н. Толстого в 1846-1858 гг. пришлась на разные этапы Кавказской войны. Грибоедов был участником активизации действий русской армии, а Н. Толстой застал финал газавата и падение авторитета Шамиля. Всех, кто оказывался на немирном Кавказе, особенно людей с обостренным чувством совести, волновал вопрос: «*Зачем* совершается всё это? Ради чьих интересов проливается кровь?» Остановить процесс было не в их силах, но писатели сражались иным оружием: они, как и лучшая, мыслящая часть русской армии открывала для себя истину о том, что в мире нет более высокой ценности, нежели душа человека, и воплощали эту истину в своём творчестве.

Знакомство с Кавказом А.С. Грибоедова относится к эпохе А.П. Ермолова, который был назначен Главнокомандующим Российской армии на Кавказе в 1817 г. и пробыл в этой должности до 1826 г. Современные русские историки называют ермоловский этап началом Большой Кавказской войны. Его деятельность и её последствия, хронологически совпавшие с творчеством А.С. Грибоедова, отражены в небольшом по объёму поэтическом и эпистолярном наследии поэта-дипломата. Назвав себя в одном из писем «скитальцем в восточных краях» [4, с. 557], Грибоедов дал точную характеристику не только себе, но целому сонму тех, кто ехал на Кавказ. Такими же скитальцами были и братья Толстые.

Другая видная личность в русско-кавказской военной истории – это генерал-фельдмаршал князь А.И. Барятинский. Во время командования им Кавказской армией, в 1859 г. был взят в плен Имам Шамиль, что считается окончанием Кавказской войны. Н.Н. Толстой уехал с Кавказа накануне этого исторического события.

В 1818 г., по приезде в Тифлис к А.П. Ермолову, А.С. Грибоедов подпадает под обаяние своего начальника. Действия наместника оцениваются в самых похвальных выражениях. В официальном донесении А.С. Грибоедов не мог выражать личного отношения к происходящему и представлял ситуацию в самых радужных тонах: «Заложена крепость на Сунже с намерением пресечь шатания чеченцев, которые часто слезают с лесистых

вершин своих, чтобы хищничать в низменной Кабарде. <...> Акушинцы и другие народы <...> обсели соседственные высоты; когда туда же приступил от крепости Грозной сам генерал Ермолов, они мгновенно рассеялись; <...> никогда в тамошних странах державная власть нашего государя не опиралась столь надёжно на покорстве народов, как ныне. Ещё нужны труды и подвиги, <...> – и необузданность горцев останется только в рассказах о прошедшем» [4, с. 381].

Своему другу С.Н. Бегичеву 29 января 1819 г. Грибоедов писал со всей откровенностью, и тактика проконсула Кавказа представляла в своей истинной сущности: «Ему дано право объявлять войну и мир заключать; вдруг придёт в голову, что наши границы не довольно определены со стороны Персии, и пойдёт их расширять по Аракс! <...> Смиряет оружием ослушников, вешает, жжёт их сёла – что же делать? – По законам я не оправдываю иных его самовольных поступков, но вспомни, что он в Азии, – здесь ребёнок хватается за нож. А, право, добр» [4, с. 397-398].

Осенью 1825 г. Грибоедов сообщал С.Н. Бегичеву: «Пускаюсь в Чечню <...>. Теперь это меня несколько занимает, борьба горной и лесной свободы с барабанным просвещеньем» [4, с. 543]. До весны 1827 г. он изъездил весь Кавказ и как дипломат, и в составе карательных экспедиций. Следствием этого явилась окончательная переоценка ценностей, что было наиболее ярко выражено в стихотворении «Хищники на Чегеме». Вот несколько его строф:

*Как ни крепки вы стенами,
Мы над вами, мы над вами.
Будто быстрые орлы
Над челом крутой скалы.
Мрак за нас ночей безлунных,
Шум потока, выси гор,
Дождь и мгла, и вихрей спор
<...>*

*Наши - камни, наши - кручи!
Русь! Зачем воюешь ты
Вековые высоты?
Досягнёшь ли? - Вон над тучей -
Двувершинный и могучий
Режется из облаков
Над главой твоих полков* [4, с. 344].

Необычность авторской позиции в «Хищниках...» состояла в том, что дипломат на царской службе, обязанный оправдывать имперскую политику и не касаться моральной стороны совершающегося, протестовал против войны, был всецело на стороне горцев, открыто выражал восхищение тем, как отстаивали кабардинцы, дагестанцы, абаздехи, чеченцы – все народы Кавказа свою «горную и лесную свободу».

Подобно грибоедовским «Хищникам на Чегеме», герой повести Н.Н. Толстого «Пластун» недоумевает о причинах прихода к ним русских и размышляет: «Я видел, что русские воюют с горцами <...>. Я не думал тогда, *зачем* эти люди воюют между собою, зачем они убивают друг друга. *Зачем?* <...> *Зачем*, думал я, русские приходят воевать сюда с горцами, *зачем?* Видно, люди нигде не могут жить спокойно» [9, с. 136-137].

Горцы тоже пытались понять это и находили наивное оправдание: «Странно, *зачем* же русским нуждаться в наших горах, в нашей маленькой земле? Им, верно, негде жить», – записал военный историк генерал Н.Ф. Дубровин раздумья кавказцев [5, с. 182].

«Маленькая земля» – надёжный соратник в бою; эту особенность Кавказа отмечал Грибоедов:

Двиньтесь узкою тропою!

Не в краю вы сёл и нив.

Здесь стремнина, там обрыв,

Тут утёс: – берите с бою.

Камень, сорванный стопою,

В глубь летит, разбитый в прах;

Риньтесь с ним, откиньте страх! [4, с. 345],

– так обрисовал он в «Хищниках на Чегеме» одну из часто случавшихся сцен. Подобные трагические эпизоды наблюдал и Н.Н. Толстой: «Я вздрагивал, – писал он, – воображая, как этот враг падал в пропасть, где шумит чуть видная река, и как орлы спускаются со скал, таких высоких, что ниже их ходят облака, как эти орлы ныряют в облака, чтобы спуститься на дно пропасти и там клевать глаза несчастного, который умер в бою и останется без погребения в этой страшной расселине» [9, с. 82].

Спустя тридцать лет после Кавказа, в трактате «Исповедь» Л.Н. Толстой свои пути поиска смысла жизни поверяет вопросами: «*Зачем? Ну, а потом?*» [8, т. 23, с. 10]. Впервые они возникли перед братьями Толстыми на Кавказе и стали лейтмотивом ранних рассказов Л.Н. Толстого, в особенности черновых вариантов «Набега»; сюжетов Н.Н. Толстого о черкесах, гаджиретах и абреках; и всех произведений, созданных о Кавказе русскими писателями.

«Судьба <...> рукою железною закинула меня сюда и гонит далее, но по доброй воле, из одного любопытства, никогда бы я не расстался с домашними пенатами, чтобы блуждать в варварской земле», – жаловался Грибоедов на страницах своих «Путевых писем» другу С.Н. Бегичеву зимой 1819 г. [4, с. 413]. «Чуть ли не с первого дня его пребывания в Тифлисе <...> Грибоедов охотнее всего проводил свободное время в семьях Чавчавадзе и Ахвердовых» [6, с. 92]. Дома этих семей, ставшие «домашними пенатами» для «скитальца в восточных краях» помогали забыться в мире поэтического романтизма, объектом которого стала юная Нино Чавчавадзе. Он часто бывал в кахетинском имении князей Чавчавадзе Цинандали, где чарующая взор Алазанская долина была подобием рая на земле. Возникало ощущение двоemiрия как «условной модели романтической вселенной, <...> в которой живёт стремление от унылого “здесь” к прекрасному “там”» [1, с. 313-314], воплощением которого был мир, где он увидел свою Нину. Этот мир он запечатлел в дивных стихах:

*Там, где вьётся Алазань,
Веет нега и прохлада,
Где в садах собирают дань
Пурпурного винограда,
Светло светит луч дневной,
Рано ищут, любят друга...
Ты знаком ли с той страной,
Где земля не знает плуга,
Вечно-юная блестит
Пышно-яркими цветами
И садителя дарит
Золотистыми плодами?* [4, с. 350].

Как и Грибоедов, Н.Н. Толстой был «скитальцем в восточных краях»; так же, как и поэт, среди скитаний он находил оазисы мира, покоя и красоты, отдыхал душой среди природы. Его описание сбора винограда в садах Кизляра перекликается со сценами, увиденными А.С. Грибоедовым в Цинандали. «Очарованный странник» из России приглашал читателя полюбоваться вместе с ним на этот райский уголок: «Кругом вас, справа, слева, спереди, целое море винограда, – и ничего больше, кроме винограда. Зелени не видать. Редко где-нибудь по высокой торкалине вьётся лоза, на которой осталось несколько листов яркого кровавого цвета; остальные листья, запylённые, съёжившиеся от солнца, прячутся между чёрными и тёмно-синими гроздьями, только кое-где прозрачными. Янтарные кисти белого

и розового винограда нарушают это однообразие. <...> Воздух прозрачен до такой степени, что вы, кажется, видите, как разливаются по нём волнообразные лучи света» [9, с. 29]. При чтении этих живописных строк оживают полотна Нико Пиросмани «Сбор винограда». И у художника Николоза, и у его русского тезки человек – непосредственный участник на этом пире природы: «То скрип арбы, нагруженной виноградом и тихо подвигающейся по дорожке; то однообразная песнь ногойца, который <...> лениво топчет мешки с виноградом голыми ногами, по колено выпачканными в красную как кровь, чепру; то повелительный голос тамады, который по-армянски или по-татарски отдаёт приказания своим разноплеменным работникам; то весёлый женский смех или звонкое, несколько визгливое пение казачек, которые режут виноград в ближайшем саду» [9, с. 29].

В 1840 г. Шамилю удалось сплотить горцев и создать религиозно-политическое государство Имамат численностью около 400 тыс. человек. С этого времени горцы перестали казаться русским экзотическими детьми природы. Военному министру А.И. Чернышёву с Кавказа был послан доклад, где имелись такие строки: «Мы не имели ещё на Кавказе врага лютейшего и опаснейшего, как Шамиль. <...> Власть его получила характер власти духовно-военной, той самой, которой в начале исламизма меч Мухаммеда поколебал три части Вселенной» [7, с. 63].

В ответ на сопротивление горцев главнокомандующий и наместник Кавказа в 1844-1853 гг. М.С. Воронцов ужесточает действия. Самой распространённой тактикой стали набеги на мирные аулы и их уничтожение. Н.Н. Толстой участвовал в двенадцати крупных походах с 1846 по 1858 г. Всё это отражено в двух документах, хранящихся ныне в Отделе рукописей Государственного музея Л.Н. Толстого: в «Формулярном списке о службе и достоинствах Батарейной № 4 батареи 20-й Артиллерийской бригады поручика Николая Графа Толстого» и «Свидетельстве об увольнении от военной службы» [3]. При их изучении обнаруживается интересный факт: эти документы, особенно более подробно составленный «Формулярный список», послужили первоисточниками «Набега», «Рубка леса», но в наибольшей степени – шестнадцатой и семнадцатой глав повести «Хаджи-Мурат».

Братья Толстые вместе участвовали только в одном зимнем походе 1852 г., который историками назван «Погромом Чечни». У них в руках не было ружей, они не участвовали в штыковых атаках, но они наводили орудия пушек, которые несли смерть. С 4 января по 5 марта армией было сожжено несколько десятков аулов, уничтожены все запасы продовольствия, убит

или угнан скот, осквернены колодцы. Впечатления от этого похода легли в основу двух названных глав «Хаджи-Мурата».

Очевидно, в 1855-м или в первой половине 1856 г. Н.Н. Толстой работал над произведением, о котором известно лишь благодаря двум дневниковым записям Л.Н. Толстого 1856 г.: «Читал прелестнейший рассказ Чеченка Николеньки. Вот эпический талант громадный», – записал он 13 июня и на следующий день: «Читал Николенькин рассказ, опять заплакал» [8, т. 47, с. 81-82]. Ни рукописи «Чеченки», ни публикации не существует. Скорее всего, Николай описывал то, что видел в каждом походе: убийство. Один из рассказов об этом сохранился в черновых редакциях рассказа Л.Н. Толстого «Набег»: «Генерал въехал в аул <...>. – “Ну что-ж, полковник, – сказал он, – пускай их жгут и грабят; я вижу, что им ужасно хочется”, – сказал он, улыбаясь. <...> Драгуны, казаки и пехота рассыпались по аулу. – Там рушится крыша, выламывают дверь, тут загорается забор, сакля, стог сена <...> вот ведут почти голого испуганного дряхлого старика чеченца, который не успел убежать. <...> Вдруг нас поразил крик <...>. Саженьях в 30 от нас бежала из аула к обрыву женщина с мешком и ребёнком на руках. <...> Она бежала с неестественной быстротой и, подняв руку над головой, кричала. Вслед за ней ещё быстрее бежало несколько пехотных солдат. Один молодой карабинер с ружьём в руке обогнал всех и почти догонял её. <...> Солдат схватил ружьё обеими руками и из всех сил ударил женщину в спину. Она упала. На рубашке показалась кровь, и ребёнок закричал. <...> Карабинер, **зачем** ты это сделал? <...> Ты говоришь: “бусурмане”. – Пускай бусурмане; но поверь мне, придёт время, когда ты будешь дряхлый, убогий, отставной солдат, и конец твой уж будет близко. Анисья побежит за батюшкой. Батюшка придёт, а тебе уж под горло подступит, спросит, грешен ли против 6-й заповеди? “Грешен, батюшка”, скажешь ты с глубоким вздохом, в душе твоей вдруг проснётся воспоминание о бусурманке, и в воображении ясно нарисуеться ужасная картинка: потухшие глаза, тонкая струйка алой крови и глубокая рана в спине под синей рубахой, мутные глаза с невыразимым отчаянием вперятся в твои, гололобый детёныш с ужасом будет указывать на тебя, и голос совести неслышно, но внятно скажет тебе страшное слово. – Что-то больно, больно ущемит тебя в сердце, последние и первые слёзы потекут по твоему кирпичному израненному лицу. Но уж поздно: не помогут и слёзы раскаяния, холод смерти обнимет тебя. – Мне жалко тебя, карабинер» [8, т. 3, с. 222-223].

Кавказские страницы творчества А.С. Грибоедова и Н.Н. Толстого – это небольшой фрагмент истории русской литературы на фоне грандиозных

картин Кавказа, созданных гением крупных писателей и поэтов XIX в. Тем не менее, их активная позиция солидарности горским народам и творческая смелость описаний нелицеприятных сторон войны сыграли немалую роль в восприятии войны как «противному человеческому разуму и всей человеческой природе события» [8, т. 11, с. 3].

Размышления современного дагестанского учёного К.К. Султанова созвучны вышеизложенной концепции: «Некоторые духовные приоритеты русской литературы в XIX в. формировались в неразрывной связи с темой Кавказской войны. Идея семьи народов, содружества, сопричастности “другому” национальному миру как “своему”, столь значимая для русской классики, прошла через длительное испытание именно Кавказской войной, которая только усилила стремление лучших писателей-мыслителей угадать направление общей исторической дороги, расшифровать противоборство национальных миров, культурных начал как этап на пути их неизбежного сближения. Познание Кавказа для русских писателей – это не только история вживания, погружения в инациональный мир, но и форма самопознания» [10, с. 357].

Неразрешимый вопрос, который пытались понять мыслители всех веков: «Под влиянием какого чувства один человек убивает другого?» в наше время нашёл нелицеприятный ответ, суть которого в следующем: несколько поколений наших соотечественников, лишённых не по своей воле возможности лечить душу Таинствами покаяния, исповеди и причастия Святого Тела и Крови Христовых, пополнили ряды карабинеров-убийц. Многие русские парни, попавшие в Чечню в 1980-1990-х гг., не имели другого выбора и не знали, где искать духовного выхода. Хочется верить, что морально искалеченные чеченской войной ребята оживут духовно; и станет очевидностью неизбежность сближения народов, и родится «удивительный мальчик» [8, т. 34, с. 386] Николенька, который расскажет своим многонациональным братьям всего мира сказку о том, что он знает, что надо сделать, чтобы все были счастливы и никогда бы не было войн, и поведёт их на Фанфаронову гору искать зелёную палочку, на которой написан ответ на этот вечный вопрос.

ЛИТЕРАТУРА

1. Введение в литературоведение. –М., 2007.
2. Волконский Н.А. Погром Чечни в 1852 г. // Кавказский сборник. –Тифлис, 1880. Т. 5.
3. ОР ГМТ. Фонд 54.
4. Грибоедов А.С. Сочинения. –М., 1953.
5. Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. –СПб., 1871. Т. 1.
6. Ениколопов И.К. А.С. Грибоедов в Грузии и Персии. [Тифлис, 1929].
7. Родина. Российский исторический иллюстрированный журнал. Специальный выпуск. Россия на Кавказе. –М., 2000. № 1-2.
8. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений в 90 тт. –М., 1928-1958.
9. Толстой Н.Н. Сочинения. –Тула, 1987.
10. Шамиль. Иллюстрированная энциклопедия. –М., 2005.

**“WANDERES IN EASTERN REGIONS”: ALEXANDER GRIBOJEDOV AND
NIKOLAY TOLSTOY****E. V. Belousova****Estate-museum of L.N. Tolstoy “Yasnaya Polyana”**

In this article the author touches upon the moral aspect of human participation in fratricidal wars and spiritual consequences of this deed. The author concentrates on the anti-war position of the Russian writers and poets who described the events of the Caucasus war of 1817-1859 in their literary works. The author draws attention to the literary creation of two Russian writers -Alexander Gribojedov and Nikolay Tolstoy , whose works on the Caucasus of that period of time are practically unknown to the general reader.

Key words: *“Hunting in the Caucasus”, the soul of a man, a poet-diplomat, highland freedom, eagles, a small land, vineyard, mystery.*